

РАЗДЕЛ II. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

В. И. ЕРЕМИНА

ТВОРЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ УЧЕНЫХ

(РЕЧЬ А. А. ШАХМАТОВА О Ф. И. БУСЛАЕВЕ.
ИЗ ПЕРЕПИСКИ Ф. И. БУСЛАЕВА И А. Н. ВЕСЕЛОВСКОГО)

Имя Федора Ивановича Буслаева уже при его жизни стало «почетным историческим именем».¹ Ему принадлежит выдающаяся роль в постановке научного изучения народной поэзии, языкознания, археологии, литературы и древнерусского византийского искусства. Труды Ф. И. Буслаева в каждой из этих областей знаний составили определенный этап в развитии не только русской, но и мировой филологической науки. Всем изучаемым отраслям знаний Буслаев дал истинно научное направление, он явился «не только родоначальником, но и крупным деятелем этой науки, двигая ее вперед своим неутомимым трудолюбием, своими сочинениями, своим могучим талантом. Деятельность Буслаева является, таким образом, сама крупной частью истории молодой еще русской науки: изучая труды Буслаева, мы изучаем в то же время все те фазы развития, которые прошла наука истории русской литературы и искусства от ее истинного начала вплоть почти до наших дней».²

В вопросах преподавания родного языка, т. е. в том, с чего Ф. И. Буслаев начал свою педагогическую и научную деятельность, он во многом руководствовался положениями немецкого педагога Дистервега, но в итоге пошел значительно дальше сво-

¹ *Пытин А. И.* История русской этнографии. СПб., 1894. Т. 2. С. 75.

² *Сперанский М. Н.* Памяти Ф. И. Буслаева : Речь, прочитанная в заседании Императорского Общества любителей древней письменности 28 ноября 1897 г. // Памятники древней письменности. М., 1898. С. 2.

его предшественника. «Краткое руководство к первоначальному преподаванию русского языка» Ф. И. Буслаева³ отличалось от современных ему учебных пособий задачами, средствами, материалом и методом изучения отечественного языка.

Открыв подлинный смысл изучения народного и старого языка, «связав историю нашего языка с историей говорящего на нем народа, указав метод изучения языка и дав нам интересную грамматику, Буслаев к концу 50-х годов является самым крупным представителем науки о русском языке своего времени». ⁴ И до работ Буслаева встречались исторические объяснения языковых явлений, но Буслаев впервые применил их ко всем сторонам языковой системы. В качестве фактического материала он «привлек старославянский язык, древнерусский, современные диалекты, язык художественной литературы, другие родственные языки. Все это помогло ему внести значительный вклад в историческое изучение русского языка». ⁵

Основную заслугу Ф. И. Буслаева в истории не только русской, но и европейской науки А. Н. Пыпин видел в установлении им нового отношения «к народной старине», в проникновении «в задушевные тайны» народной поэзии. ⁶ Стремясь раскрыть основные закономерности народной поэзии, Ф. И. Буслаев обращался к ее истории. Именно в далекой истории, «в темной доисторической глубине», в том времени, когда создавался самый язык, видел он истоки поэтического творчества. Происхождение языка рассматривалось Ф. И. Буслаевым как первая, «самая решительная и блистательная попытка человеческого творчества». ⁷ Отсюда слово, в его понимании, оказывалось не условным знаком для выражения мысли, но художественным образом, вызванным «живейшим ощущением, которое природа и жизнь в человеке возбудили». ⁸ Не случаен поэтому и особый интерес Буслаева к истории языка. За потухшим значением слова он стремился (вслед за В. Гумбольдтом) воскресить его былое образное начало. Преимущественно весь ранний этап творческой деятельности Ф. И. Буслаева связан с изучением истории языка. Он ис-

³ *Воскресенский В.* О «Кратком руководстве к первоначальному преподаванию русского языка» Ф. И. Буслаева // Четыре речи о Ф. И. Буслаеве, читанные на заседании Отдела Коменского 21 января 1898 г. СПб., 1898. С. 32.

⁴ *Будде Е.* О заслугах Буслаева, как ученого-лингвиста и преподавателя // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1898. Т. 14, вып. 4. С. 418.

⁵ *Смирнов С. В.* Ф. И. Буслаев — ученый и педагог // Русская речь. 1984. Май-июнь. С. 67.

⁶ *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 2. С. 87.

⁷ *Буслаев Ф. И.* Эпическая поэзия // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 1.

⁸ Там же.

пользовал «методику сравнительно-исторического анализа, давшую столь блестящие результаты в работах немецких ученых, на изучение русского языка и его истории».⁹ Большую статью посвящает Ф. И. Буслаев анализу словарного состава «Опыта областного великорусского словаря», изданного в 1852 г. Вторым отделением Императорской Академии наук. Выход в свет словаря местных слов рассматривался Буслаевым как дело национального значения, так как изучение областных наречий, которые составляют «древнейший период в отношении к литературному и образованному языку», ведет к познанию «основных начал нашей национальности, поскольку они содержатся в первоначальном организме языка».¹⁰

Областное слово в отличие от литературного в значительной степени сохраняет свою первоначальную образность, а потому оно неизбежно должно подчиняться тем же закономерностям, которые свойственны любому художественному произведению. «Как художественное произведение, слово подчиняется и законам логики; но как художественное же произведение, оно не исчерпывается ими вполне. Основное впечатление, проведенное по различным значениям слов, может быть оправдано и логически; но коренится оно на живом, непосредственном ощущении».¹¹

Рассматривая образующее начало «в формации языка», Ф. И. Буслаев предостерегал против упрощенного понимания изложенных им приемов, действующих в языке. Он специально подчеркивал, что анализ раскрытия форм языка дается им с одной только целью — показать, что бесконечное множество подробностей не заслоняет цельности того основного начала, которое называется жизнью. «В наибольшей полноте и в совокупности своих действий, — писал Буслаев, — оказывается эта, неуловимая для анализа, сила языка в округленном сочетании слов, то есть в предложении, где наглядные представления, живописующие все, что есть в природе и жизни, умели неразрывно сочетаться с мельчайшими логическими отношениями мысли, выражаемыми помощью суффиксов, флексий и тех однообразных и немногих форм, которые известны в грамматике под именем частей речи служебных».¹²

Творческие возможности языка оказались в представлении Буслаева неисчерпаемыми: «Логическое начало проводит в своих действиях закон необходимости; язык же пользуется полной свободой в применении корня слова к тому или другому впе-

⁹ Академические школы в русском литературоведении. М., 1975. С. 24.

¹⁰ Буслаев Ф. И. Областные видоизменения русской народности // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... С. 157.

¹¹ Там же. С. 160.

¹² Там же. С. 177.

чатлению. На этой-то способности языка и основывается его не ограниченное никакими пределами творчество, проявляющееся всегда новыми и свежими формами».¹³

Рассмотрение разнообразия и богатства художественных форм областных наречий утвердило Ф. И. Буслаева в мысли, что язык образуется *в неразрывной связи с народной поэзией*, не случайно поэтому сравнительный метод, столь важный в истории языка при исследовании древнейших фактов, был непосредственно перенесен им и на изучение основ народной поэзии. «Взаимное сопроникновение языка и народной поэзии свидетельствует нам об органическом, здоровом и свежем развитии этих обоих органов народного духа. Оба они исходили из общего источника, дышали одною жизнью, потому *каждое слово было поэтическим созданием*; потому и поэзия так легко умела облечься в самые свойственные ее природе формы, когда животрепещущее, вновь сложенное слово вылетало из уст певца в одушевленной импровизации, не как прикраса его бойкого слога, а как необходимое дополнение его мысли, как новая черта, которую художник довершает картину».¹⁴

Таким образом, сравнительный метод становится для Ф. И. Буслаева и основой науки *о слоге*. Слово с живой внутренней формой в одинаковой степени может быть названо как простым наименованием действия, предмета или его свойства, так и «формой эпического слога». Отсюда предмет исследования Ф. И. Буслаева в равной мере может быть определен и как открытие закономерностей в создании образного языка, и как изучение главнейших основ стилистики народной поэзии.

Любая из эпических форм отражала народное воззрение на мир человека, составляла единицу слога всего народа. Зарождение подобных эпических форм принадлежало эпохе доисторической и сопровождалось «образованием самого языка: так что каждой обычной эпической форме можно найти соответствие в грамматических и лексических свойствах языка. *Потому-то наука о слоге основывается на сравнительно-историческом изучении языка*».¹⁵

Рассмотренные выше основные положения в учении Ф. И. Буслаева об историческом соответствии языка и народной поэзии, как мы видим, весьма противоречивы. Наряду с открытиями, опередившими свое время, соседствует романтическое представление Буслаева об изначальности и единстве эпического периода.

Итак, по теории Ф. И. Буслаева, одна и та же сила способствовала как зарождению языка, так и мифов и народной поэзии.

¹³ Там же. С. 178.

¹⁴ Там же. С. 209.

¹⁵ *Буслаев Ф. И.* Об эпических выражениях украинской поэзии // Там же. С. 230. См. также с. 210.

Именно поэтому в «самую раннюю эпоху своего бытия народ имеет уже все главнейшие *нравственные основы* своей национальности в языке и мифологии, которые стоят в теснейшей связи с поэзией, правом, с обычаями и нравами... Все эти национальные основы уже глубоко вошли в его нравственное бытие, как самая жизнь, пережитая им в течение многих доисторических веков, как прошедшее, на котором твердо покоится настоящий порядок вещей и все будущее развитие жизни. Потому все нравственные идеи для народа эпохи первобытной составляют его освященное предание, великую родную старину, святой завет предков потомкам».¹⁶ Именно к слову тянулись все «тончайшие нити родной старины», все то великое, на чем коренится нравственная жизнь народа. Слово оказалось главным и естественным толчком к созданию мифов и преданий.

Подводя итоги рассуждениям Буслаева, связанным с его представлениями о языке народной поэзии, можно сделать следующие выводы.

Язык — один из основных хранителей глубочайшей древности, сохранившейся даже после утраты веры. Историческим документом древнейшего «периода убеждений и верований между народами индоевропейского поколения во всей своей первобытной свежести»¹⁷ могут служить для нас индийские Веда.

Язык произошел и развивался одновременно с народной поэзией — отсюда и истоки народной поэзии следует искать в доисторическом прошлом. «Народная поэзия русская, восходя своими началами к эпохе доисторической, и доселе носит на себе явные признаки своего мифологического происхождения, как и вообще изустная поэзия всякого народа».¹⁸

С утратой языческого верования миф, как бы он ни был интересен по своему поэтическому содержанию, уже перестает быть двигателем народного сознания. Ему на смену приходит богатый эпос. Так, по мнению Ф. И. Буслаева, наступает переход народной поэзии в ее иное качество.

Ниже мы публикуем речь А. А. Шахматова о значении основополагающих работ Ф. И. Буслаева по истории языка, произнесенную им 21 января 1898 г. на заседании Отдела Коменского.

Речь впервые была опубликована в том же году.¹⁹ Издание это практически сразу стало библиографической редкостью, речь

¹⁶ Буслаев Ф. И. Эпическая поэзия. С. 1.

¹⁷ Буслаев Ф. И. Русский быт и пословицы // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... Т. 1. С. 113.

¹⁸ Буслаев Ф. И. О народной поэзии в древнерусской литературе // Там же. Т. 2. С. 3.

¹⁹ Шахматов А. А. Буслаев как основатель исторического изучения русского языка // Четыре речи о Ф. И. Буслаеве...

Шахматова более не переиздавалась, хотя и век спустя она сохраняет свое важное значение для историографии, поскольку анализ А. А. Шахматова ранних трудов Ф. И. Буслаева не утратил своего современного звучания по сей день.

БУСЛАЕВ КАК ОСНОВАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Федор Иванович Буслаев как ученый принадлежит нескольким областям знаний: язык, литература, искусство нашли в нем блестящего исследователя; его работы имели в свое время решающее значение в развитии этих трех отделов русской науки.

Буслаев переходил в своих занятиях постепенно от одной из названных областей знания к другой: сначала язык, потом литература, наконец, искусство поочередно поглощали его силы; в сущности, в различные эпохи жизни Федора Ивановича в нем надо различать трех различных ученых. Остановлюсь на ученом первой эпохи, на исследователе русского языка, создателе исторической науки о русском языке, основателе русской филологии.

Научная деятельность Буслаева начинается в конце тридцатых годов; раньше началось педагогическое поприще будущего ученого, который еще в Пензе гимназистом содержал себя уроками. Первый научный труд Буслаева есть вместе с тем труд педагогический: это вышедшее в 1844 г. сочинение «О преподавании отечественного языка».²⁰

Оставляя в стороне важное педагогическое значение этой книги, остановлюсь на ней как на первой ученой работе автора Исторической грамматики.

В этом труде Буслаев воспользовался трудами своих учителей в славянском и русском мире (Востокова, Павского, Добровского и др.), связал их с данными юной, еще только зарождавшейся в Западной Европе науки — сравнительного языковедения, осветил и оживил их учением Гримма, «начала которого он (гово-

²⁰ О преподавании отечественного языка. М., 1844. Ч. I. V + 335 с.; Ч. 2, III + 375 с.; То же: 2-е изд., сокращ. М., 1867. IV + 472 с.; То же: перепеч. 2-го изд. Л., 1941. 248 с.

Рец.: 1) Современник. 1844. Т. 35. Сент.; 2) Москвитянин. 1844. Ч. V. № 10; 3) Библиотека для чтения. 1844. Т. 65. Ч. 2; 4) Русский инвалид. 1844. № 211; 5) Отечественные записки. 1846. Т. 46. Июнь; 6) ИОРЯС. 1854. Т. 3, вып. 3; 7) Отечественные записки. 1859. Т. 126. Сент.; 8) ИОРЯС. 1859—1860. Т. 8, вып. 2; 9) Сборник СПб. ун-та. 1860. Вып. 2; 10) Воспитание. 1863. Т. 13, кн. 4; 11) Циркуляр по СПб. учеб. округу. 1863. № 5; 12) Московские университетские известия. 1866—1867. № 5; 13) Смирнов А. О «Слове о полку Игореве» // Филологические записки. 1876. Вып. 2.

рю его словами) признавал самыми основательными и самыми плодотворными и для науки и для жизни», соединил таким образом «способы» сравнительной и исторической лингвистики, применив их к исследованию родного языка — и в результате заложил основания для обширной, «необъятной» науки — русской грамматики и стилистики; скажу еще определеннее — основания исторического, следовательно, научного изучения русского языка.

Я назвал учителей Буслаева: они остановились у преддверия науки о русском языке, расчистили к ней путь, частью наметили, частью же сами приготовили материалы для постройки. Востоков вместе с Добровским и Копитаром должен быть назван основателем славяноведения. Своим рассуждением о славянском языке, где отмечены главные звуковые черты языка старославянского в отношении их к звукам других славянских языков, Востоков положил прочные основания для исторической грамматики отдельных славянских наречий. И русский язык уже с этого замечательного рассуждения, напечатанного в 1820 году, получил научное освещение, так как впервые здесь указаны были исконные отличия между ним и языком старославянским. Последующие труды Востокова привели его к знакомству с древними нашими памятниками; многостороннее изучение их и замечательная наблюдательность по отношению к живому русскому языку дали ему возможность уже в 1831 году издать обширную Русскую грамматику. Но исторической грамматики Востоков не оставил: он приготовил лишь материалы, которыми воспользовался Буслаев. Востоков со своими строго научными приемами, со своею обширною ученостью и глубокою начитанностью был более чем кто-либо иной способен стать у преддверия молодой, неопытной, едва зарождающейся науки. Отличным изданием Остромирова Евангелия, образцовым описанием грамматических особенностей старославянского языка, точным исследованием бесчисленного количества рукописей и составлением церковнославянского словаря Востоков готовил путь, по которому пойдут исследователи родной старины и родного языка. И на этом пути, вслед за главными трудами Востокова, мы встречаем ученика Гримма и немецких лингвистов, автора Материалов грамматики и стилистики, помещенных во второй части названной нами книги «О преподавании отечественного языка».

Со времени выхода этих Материалов прошло уже столетия. Но из всего написанного о русском языке я не читал ничего более интересного, более живого и талантливого этого ядра Исторической грамматики Буслаева. Работы Востокова весьма поучительны: сам он удивляет своей пронизательностью, но от него веет холодом. Востоков, говорит И. И. Срезневский, увле-

кался мечтою в поэзии, но не в делах науки.²¹ Про Буслаева можно сказать, что он отдавался науке весь: сила ума и воображения, точный анализ и блестящая гипотеза, мечта и глубокое знание, наука и поэзия — все это одинаково является достоянием трудов Буслаева. Такой человек более, чем кто-либо другой, был способен заложить *основания* новой науки, начертав предварительно план всего здания, наметив таким образом путь, по которому должны идти работы будущих ученых поколений. Буслаев заложил новую науку на широком фундаменте: задуманное здание далеко еще не окончено, некоторые части его еще и не тронуты. Тем более удивляешься тому, что еще в 44-м году скромный учитель 3-й Московской гимназии сумел начертать такие широкие задачи, так всесторонне охватить содержание и цели науки о русском языке.

Материалы для русской грамматики и стилистики извлечены Буслаевым из древних памятников русского языка: две три летописи, несколько грамот, издания Калайдовича и Тимковского, издания и труды Востокова, выписки из старинных рукописей в примечаниях к Истории Государства Российского Карамзина — вот откуда собран тот скудный материал, который, благодаря Буслаеву, оживившему его сравнительно-историческими приемами, стал ядром будущих исследований по отечественному языку: Буслаев установил, с одной стороны, родственные связи русского языка с другими индоевропейскими языками, а с другой — историческую связь между древним языком наших памятников, языком современных писателей и живыми народными говорами. В этих материалах мы находим исторические данные о звуках русского языка, о словопроизводстве, о склонении и спряжении, о роде имен существительных, о степенях сравнения; тут же предлагаются синтаксические замечания об имени, глаголе, употреблении предлогов и союзов. В отделе, названном стилистикой, Буслаев знакомит нас с лексическим составом русского языка: его внимание обращает на себя собственно наш литературный язык, но, говорит он, «в языке выражается вся жизнь народа; следовательно, разложить на стихии язык так же трудно, как и характер народа. Речь, теперь нами употребляемая, есть плод тысячелетнего исторического движения и множества переворотов. Определить ее не иначе можно, как путем генетическим; отсюда необходимость исторического исследования».²² Поэтому, выводил Буслаев, для понимания языка современного необходимо изучать язык народный, как основную стихию литературного языка, и древний язык, отражающийся в современном в целом ряде архаизмов; кроме того, только знакомство с истори-

²¹ Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. М., 1849.

²² Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. М., 1867. С. 306.

ей культуры нашего народа объяснит происхождение элементов, заимствованных нашим языком из других, а также наших варваризмов. Впервые в русской науке так ясно и определенно указывалось на важность и необходимость исторического изучения языка. Между историей языка и историей словесности Буслаев постоянно проводит параллели. В одном месте он говорит, что «об языке должно сказать то же, что о народных исторических песнях: как к древнейшему преданию о Владимире в продолжение столетий присовокуплялись различные исторические факты <...> так и к чистой струе русского языка постоянно примешивался чуждый наплыв; как один и тот же герой в продолжение столетий действует в различных событиях народных и тем определяет свой национальный характер, так и язык, многие века применяясь к самым разнообразным потребностям, доходит к нам сокровищницею всей прошедшей жизни нашей».²³ В другом месте Буслаев говорит, что «народный язык относится к языку образованному точно так же, как самородная литература к образованной науками и влиянием чужеземным».²⁴ Убеденный из знакомства с Гумбольдтом, что язык — это отражение человеческой мысли, внешнее проявление внутренней духовной жизни человека, Буслаев в своих Материалах старается показать это на истории русского языка. В отдельных главах этих Материалов перед нами действительно раскрывается широкая картина исторического развития русского народа: история языка, в изложении Буслаева, знакомит нас с воинским, религиозным, семейным бытом наших предков, с их мифологией, языческой поэзией и христианской символикой, с понятиями о нравственности и стремлениями к искусству, с народной мудростью, сказавшеюся в пословице, и с главными моментами нашей образованности, нашедшими выражение в красноречии и бытописании. Буслаев, доказав в первой части Материалов органическую связь между древним языком и языком современным, убеждает нас в том, что связь эта имеет значение не только сама по себе, но в особенности и потому, что ею доказывается и освещается органическая связь между современными и прошлыми — жизнью, верованиями, учреждениями. Язык отразил на себе историю народа и таким образом служит ценным материалом при исследовании судеб говорящей на нем народности. Особенно поэтому обращает на себя внимание Буслаева народный язык, так как, по его мнению, именно этот язык «проникнут органическою жизнью»:²⁵ термин народный язык он принимает «в противоположность теперешней речи письменной и употребляющейся в кругу людей более

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 329.

или менее образованных».²⁶ Особенно важно, что Буслаев верно понимал всю важность знакомства с областными наречиями. «Изучение народного языка и языка древних памятников, — говорит он, — само собою предполагает уже и изучение областных наречий».²⁷ «До нас дошли памятники литературные из разных мест России: мы пользуемся ими и в теперешнем слоге: значит, вносим в слог провинциализм. Мы изучаем язык народный: где он? В Киеве, Вологде, Новгороде, Москве: следовательно, вместе изучаем и провинциализмы».²⁸ Буслаев замечает, что сочувствие к народному языку «мало-помалу теряется, так что для многих этот, по преимуществу родной язык стал вовсе чуждым».²⁹ При всяком случае он старается доказать важность изучения народных областных говоров, а зародившийся под влиянием этого у читателя интерес спешит удовлетворить, приложив к своим Материалам несколько областных словариков. Я думаю, что шире охватить предмет исследования, яснее и определеннее наметить его задачи — невозможно и теперь, несмотря на значительные успехи науки.

Автор книги «О преподавании отечественного языка» не только ученый и не только педагог: в первой части он говорит о лучших методах преподавания родного языка, во второй о самом русском языке в его истории; в первом томе видим педагога, обвиняющего Востокова и Греча за то, что они «смотрят на грамматику только с ученой стороны, не обращая внимания на учебную, забывая личность учащегося»;³⁰ во втором томе удивляемся ученому, основывающему науку о русском языке на прочном историческом фундаменте. Но в обоих томах этой книги прежде всего мы находим человека. Живое, полное любви и творческой силы отношение этого человека к знанию — вот что создало историческую науку о нашем языке.

Книга Буслаева должна быть поставлена в самую тесную связь с современными ей течениями русской мысли: общество со знало необходимость сделать самопознание основой образования. В изучении своего прошлого и своего настоящего, в привлечении к умственной и общественной жизни стоящего вне его народа — русское общество надеялось найти новые силы, нужные для поддержания и развития новой национальной идеи. «В недавнее время возродившееся стремление к национальности, — говорит Буслаев, — возвысило ценность народного языка».³¹ И это возро-

²⁶ Там же. С. 328.

²⁷ Там же. С. 463.

²⁸ Там же. С. 463—464.

²⁹ Там же. С. 329.

³⁰ Там же. С. 6.

³¹ Там же. С. 328.

дившееся стремление находит достойное и талантливое выражение в скромной книге Федора Ивановича.

В 1848 году появилась магистерская диссертация Буслаева «О влиянии христианства на славянский язык».³² По собственному определению автора — это опыт истории языка по Остромирову Евангелию. На частном, ограниченном случае, на исследовании древнего текста славянского Евангелия, Буслаев применяет усвоенную и развитую им методу исторического изучения языка. Язык свидетельствует о настоящей и прошлой умственной жизни народа: текст Остромирова Евангелия знакомит нас не только с общественными и семейными отношениями, с юридическим бытом и мифологическими верованиями той эпохи жизни славянских народов, когда переведено на старославянский язык Евангелие, но переносит нас и в предшествующие эпохи: между прочим, Буслаеву удалось ясно доказать, что славянские языки еще задолго до Кирилла и Мефодия подверглись влиянию христианских идей. Но исследователь идет дальше: весьма удачно пользуясь сравнением славянского перевода Евангелия с готским, сделанным Ульфилою, Буслаев, при помощи сравнительно-исторических приемов, восстанавливает материальный и юридический быт, культуру и верования славян и готов в доисторические эпохи их жизни и незаметно переходит затем к еще более отдаленной эпохе — эпохе индоевропейского единства. Этот экскурс Буслаева в область сравнительного языковедения, конечно, не мог иметь того значения, которое приобрели все его труды по истории русского языка, но он в особенности важен, как первая у нас и у славян попытка извлечь из лингвистического материала те ценные данные, которые они содержат для характеристики отошедших в прошлое культурно-исторических эпох.

Несмотря на временное отвлечение в другую область, Буслаев продолжает свои занятия по русскому языку. Он собирает материалы для только что основанной им науки, понимая, что для прочности здания нельзя ограничиваться общими положениями, случайными материалами, что это здание надо основать на точном изучении элементов языка. «Чем более вникаешь, — говорит Буслаев, — в малейшие подробности творения, тем разительнее и глубже созерцаешь неистощимость и многообразность творчества: буква есть самая дробная стихия человеческого слова. Философия языка только тогда будет неизбежна, когда глубоко укоренится на изучении буквы. Кто с надлежащей точки зрения смотрит на букву, тот понимает язык во всей со-

³² Буслаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык // Буслаев Ф. И. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию. М., 1848.

знательности его, изобразительности и жизненной полноте».³³ И следуя этому, Федор Иванович обращается к изучению буквы и слова: он собирает обширные материалы для исторической грамматики.

В 1855 году, в юбилейном издании Московского университета, Буслаев помещает палеографическое, грамматическое и лексическое описание нескольких рукописей Синодальной библиотеки, начиная со Сборника 1073 года и кончая Евангелием 1537 года. Из этих рукописей извлечено очень много данных, характеристичных для звуков и форм русского языка в различные периоды его жизни; в особенности любопытны наблюдения Буслаева над синтаксическими явлениями, обнаружившимися в этих памятниках; запись русского писца в Сборнике 1073 года дает ему основание привести ряд доказательств того, что синтаксис этой записи чисто русский. Вместе с тем Буслаев следит и за стилистическими особенностями в языке этих переводных памятников славянской литературы: он указывает на различные редакции в языке перевода Евангелия, а при разборе языка некоторых библейских книг доказывает влияние на них латинской Вульгаты. Обширные словарные извлечения, сделанные из большинства изученных рукописей, свидетельствуют о том, с каким вниманием работал над ними Буслаев.

В 1858 году Буслаев выпустил в свет Опыт исторической грамматики русского языка.³⁴ При этом уже из современных критических отзывов выяснилось, что основатель исторической науки о русском языке, с одной стороны, введя изучение русского языка в круг сравнительного индоевропейского языковедения, с другой — недостаточно определив его ближайшее отношение к языкам славянским, лишил свой труд тех главных исторических основ, на которые он должен был опираться. Изучение славянских языков, ближайшее сопоставление с ними русского языка привели в конце сороковых годов другого знаменитого представителя русской науки Изм. Ив. Срезневского к определению целого ряда исторических эпох в совместной жизни славянских наречий и в обособленной жизни русского языка. Срезневский сразу

³³ Буслаев Ф. И. Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских, собранные из XV рукописей Московской синодальной библиотеки профессором Ф. Буслаевым. С приложением 22 снимков, литографированных И. Шелковниковым // Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских: Изготовлены к столетнему юбилею Московского университета трудами профессоров и преподавателей Петрова, Клима, Меншикова и Буслаева. М., 1855. С. 1—58. [Рец.: «ИОРЯС», 1855. Т. 4, вып. 5].

³⁴ Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка: Учебное пособие для преподавателей. Ч. 1: Этимология. XI + 224 с.; Ч. 2: Синтаксис. X + 428 с. М., 1858.

понял свою задачу специалиста: его Мысли об истории русского языка³⁵ — это страница из сравнительной грамматики славянских языков. Буслаев писал раньше Срезневского, естественно, что он понял свою задачу шире: в своих Материалах по русской грамматике он дал страницу из сравнительного языковедения. И в последующих своих трудах Буслаев не сузил задачи, не сосредоточился на более узком поле славянского языкознания и таким образом в 1858 году уже отстал сравнительно со Срезневским, писавшим в 1849 году. Опыт Исторической грамматики, в 1863 году вышедший под заглавием Исторической грамматики русского языка,³⁶ отражает в значительной степени взгляд Буслаева на то, что грамматика — это прежде всего учебная книга. Сообразуясь с педагогическими требованиями, Буслаеву пришлось сократить всю ту часть, где он мог бы рассматривать русский язык с точки зрения индоевропейской лингвистики: многие такие замечания, в виде обрывочных мыслей, отнесены в конец книги. Вследствие этого, оторвав русский язык от почвы общего языкознания, не перенеся его на почву ближайшего сравнения с другими славянскими языками, Буслаев во многих отделах грамматики оставил целый ряд явлений без исторического освещения. И вместо того, чтобы дать историю русского языка, он оставил нам школьную грамматику, дополненную историческим материалом. Но тем не менее многие части этой Грамматики остаются до сих пор не замененными. Говорю в особенности об историческом Синтаксисе, в котором обилие материала, замечательное понимание духа языка, ясность изложения — в значительной степени искупают все его недостатки.

Особенно ярко обнаружится значение Исторической грамматики Буслаева, если мы взглянем на изданную им в 1861 году Историческую хрестоматию церковнославянского и древнерусского языков. По мысли автора, хрестоматия эта должна была служить между прочим руководством при изучении этих языков; для этого она поставлена в связь с *Опытом исторической грамматики*. Хрестоматия содержит в себе тексты, взятые большей частью прямо из рукописей и напечатанные с удержанием

³⁵ *Срезневский И. И.* Мысли об истории русского языка. М., 1849.

³⁶ *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1863. Ч. 1. 259 с.; Ч. 2. 374 с.; То же: 3-е изд. М., 1868—1869; То же: 4-е изд. М., 1875; То же: 5-е изд. М., 1881; То же. М., 1959.

Рец.: 1) *Отечественные записки*. 1859. Т. 125. № 8; Т. 126. № 9; 2) *Современник*. 1859. Т. 76, № 8; 3) *Библиотека для чтения*. 1859. Т. 157. Окт.; Т. 158. Дек.; 4) *Русское слово*. 1859. № 5; 5) *Русская беседа*. 1859. Т. 5, кн. 17; Т. 6, кн. 18; 6) *Северная пчела*. 1859. № 206, 207; 7) *Русский мир*. 1859. № 18; 8) *Московский вестник*. 1860. № 9, 12; 9) *День*. 1864. № 3; 10) *День*. 1865, № 25; 11) *Голос*. 1866. № 41; 1868, № 171; 12) *Филологические записки*. 1872. Вып. 4.

всех особенностей древнего правописания; тексты эти относятся к XI—XVII вв. Таким образом, по хрестоматии можно наглядно изучать все те изменения, которым подвергалась в течение веков наша письменность. В приложениях приведены в высшей степени важные по своему научному значению памятники народной литературы XVIII в., а также образцы современной устной народной словесности. В примечаниях к каждому изданному тексту находим указание на все важнейшее в историческом изучении языка и литературы. «Таким образом, — говорит Буслаев, — совокупность всех примечаний, расположенных в хронологическом порядке памятников, составляет как бы историю языка и письменности, в практическом изложении».³⁷ В этих примечаниях Буслаев не был стеснен школьными рубриками и на живых примерах, действительных фактах, извлеченных из первоисточников, показал, что дает древний текст или современная разговорная речь для научной грамматики языка. Буслаев научил вместе с тем будущих исследователей, как следует оживить мертвую букву, как заставить старинную хартию или полуистлевший пергамент давать свидетельские показания о живом произношении минувших веков, о звуковом и грамматическом строе древнего языка. На изданных и разобранных текстах Буслаев показал, что изучение русского языка должно быть основано на исследовании древних и современных образцов языка, что грамматика не предписывает законов словоупотребления, а что она прежде всего регистрирует факты языка и затем дает им сравнительно-историческое освещение. Таким образом, Буслаев дал нам два издания русской исторической грамматики: в одном из них видим школьное, теоретическое изложение особенностей русской речи, в другом практическое и научное переложение того же предмета.

После составления исторической грамматики Федор Иванович почти уже не возвращался к занятиям языком: ряд молодых исследователей продолжали его работы и воспользовались теми методами и данными, которые составили научное наследие основателя исторического изучения русского языка.

Предложенный очерк деятельности Буслаева на почве исследования отечественного языка дает лишь общие указания на научные заслуги знаменитого ученого. Надо надеяться, что значение Буслаева, как основателя исторической науки о русском языке, будет выступать все ярче и определеннее, после того как научное здание, начатое Федором Ивановичем, привлечет к себе большее количество работников: воспоминание о светлой лич-

³⁷ Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков // Учебное руководство для военно-учебных заведений. М., 1861. С. II.

ности Буслаява не только оживит их работу, но и согреть их тою любовью к знанию и к истине, которая никогда не оставляла нашего великого учителя.

А. Шахматов.

А. А. Шахматов вслед за своим учителем стремился показать единую и цельную картину исторического развития русского языка. Он провел свое исследование через исторические периоды от эпохи общеславянской к эпохе общерусской и от нее к эпохе «диалектической». Величественное здание истории русского языка не было окончательно достроено А. А. Шахматовым, лишь историческая фонетика получила свое печатное завершение и ознаменовала собой новую эпоху в построении звуков русского языка. Его учение «об историческом движении форм слов охватило только древнейшие эпохи и не дошло до систематики глагольных образований; курс синтаксиса сохранился в рукописном виде и дает необычайно стройную и полную классификацию синтаксических схем литературного языка без далеких исторических экскурсов.³⁸ Не все задуманное выполнено, но и то, что сделано А. А. Шахматовым, громадно. «На заложенном давно фундаменте им возведены самые капитальные части здания истории русского языка. Основные контуры вырисовывались. Отчетливо выяснен план постройки. Идущие за ним исследователи не могут пройти мимо этого здания; они будут достраивать его, а если б захотели строить свое, то им нужно было бы прежде разрушить Шахматовское. Это сделать едва ли возможно: и фундамент, и материал слишком надежны». Он научил будущих исследователей тому, что «строить историю русского языка можно только на фундаменте общего языкознания; что в числе источников нашего знакомства с прошлым русского языка самое видное место принадлежит изучению современных нам говоров, второе место занимает изучение памятников, на третьем стоит сравнительное изучение славянских наречий; он научил нас тому, что не следует слепо доверять букве памятников, и тому, как искать за ней живой звук, как различать графические и фонетические явления и, наконец, тому, что не следует смешивать явления живого языка с явлениями искусственными языка книжного, явлениями,

³⁸ *Виноградов В. В.* Алексей Александрович Шахматов. Пг., 1922. С. 26.

Точно так же не осуществил и А. Н. Веселовский свой гигантский проект рассмотрения развития мировой литературы как «эволюции поэтического содержания и его форм». Он тоже не успел выявить закономерности процесса литературного развития на всех его этапах, доведя свое исследование до эпохи Средневековья и наметив дальнейшие этапы развития литературных жанров в своих университетских курсах.

начавшими возникать с первого момента, как русский читатель взял в руки старославянскую (болгарскую) книгу».³⁹ Историю русского языка А. А. Шахматов изучал в связи с общей историей народности и рассматривал ее как основной и важнейший отдел истории культуры.

Много писали о том, что Ф. И. Буслаев еще при жизни уступил дорогу своим ученикам. Наука развивалась, менялись литературные направления, что-то неизбежно устаревало, но не устарел и до сих пор пафос научных исканий Ф. И. Буслаева, не устарело и богатство фактического материала, содержащееся в его трудах, «не устарела и широта обобщающей мысли, доступная ученому, по свойству своей природы ограничившему себя рамками современной ему академической науки. Поучительным для всякого словесника остается высокохудожественная форма, в которую облакал Буслаев свои исследования о произведениях словесного и изобразительного искусства».⁴⁰

Ф. И. Буслаев в течение нескольких десятилетий был высшим авторитетом в области филологической науки. Он заложил новую науку на широком фундаменте, а его ученики строили это здание как единое, хотя шли они в науке разными путями. Среди учеников Ф. И. Буслаева были такие выдающиеся ученые, как А. Н. Веселовский, А. И. Соболевский, В. О. Ключевский, Ф. Е. Корш, А. А. Шахматов и многие другие. Каждый из них в своей области пошел дальше своего учителя, и научная школа Буслаева ознаменовала небывалый расцвет и снискала мировое признание русской филологической науки конца XIX—начала XX в.

Одним из самых ярких представителей научной школы Ф. И. Буслаева был Александр Николаевич Веселовский. Неосценимые заслуги А. Н. Веселовского в истории науки, масштаб его личности, огромная эрудиция, грандиозность поставленных задач вызывали у его современников и последователей представление об уникальности его дара, что, впрочем, совершенно справедливо, и о полной независимости его суждений, об отрыве от предшествующих завоеваний науки.

Были ли учителя у А. Н. Веселовского в прямом понимании этого слова? Продолжал ли Веселовский идеи своих предшественников, и в частности Ф. И. Буслаева? Рецензии Буслаева на ранние работы Веселовского, полемика Веселовского с мифологической школой, творческий диалог Ф. И. Буслаева и А. Н. Веселовского

³⁹ Ушаков Д. Н. А. А. Шахматов — историк русского языка // ИОРЯС. 1920. Пг., 1922. Т. 25. С. 266—267.

⁴⁰ Гудзий Н. К. Изучение русской литературы в Московском университете. М., 1958. С. 29.

хорошо и полно рассмотрены А. Л. Топорковым в книге «Теория мифа в русской филологической науке XIX в. (М., 1997. С. 412—455 — обширная библиография).

Публикуемые ниже письма А. Н. Веселовского к Ф. И. Буслаеву (РГБ, ф. 42, кол. 11, ед. хр. 45, л. 1, 2) и Буслаева к Веселовскому (ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 183, л. 14, 14 об., 15) должны показать взаимные научные и человеческие отношения двух великих ученых.

Датируется по содержанию
1873 годом. Петербург.

Многоуважаемый Федор Иванович.

Я давно собирался поблагодарить Вас за лестный (и полезный) для меня отзыв о моей книге. Чем менее я его ожидал, тем приятнее он на меня подействовал. С одной стороны, я не сомневался, что Вы именно отнесетесь отрицательно к некоторым взглядам, выраженным в моей книге,⁴¹ с другой — русская кри-

⁴¹ Речь идет о работе А. Н. Веселовского «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Моральфе и Мерлине» (СПб., 1872). Ф. И. Буслаев высоко оценил труд Веселовского: «Разбираемая мною книга, — писал он, — отличается такою убедительною силою и возбуждающею свежестью, что не только основательно убеждает в том, что она на своих страницах дает, но — как это бывает со всяким капитальным явлением в литературе — она, так сказать, наэлектризовывает читателя, воодушевляет его и вызывает к новым соображениям и наблюдениям на том широком поле, которое в ней так плодотворно разработано» (Рец. академика Ф. И. Буслаева на сочинения А. Веселовского «Славянские сказания о Соломоне...» (СПб., 1872). С. 57). Заключает отзыв Ф. И. Буслаев следующими словами: книга А. Веселовского «принадлежит к капитальным приобретениям нашей ученой литературы. Это, бесспорно, — самый лучший опыт из всех, какие только на русском языке были, — в приложении Бенфеевской теории литературного заимствования к разработке русских источников, рукописных и устных, в их связи с поэтическими преданиями Западной Европы» (Там же. С. 66).

Дав труду А. Н. Веселовского столь высокую оценку, Ф. И. Буслаев тем не менее сделал ряд очень серьезных замечаний и убедительно показал причины, по которым для многих странствующих апокрифов их связь с еретическим учением богомилов едва ли может быть доказана. Буслаев напомнил, что в истории двоеверия следует различать два периода — *древнейший* и *позднейший*, что существовали и более ранние пути распространения апокрифов, чем болгарская ересь X в. Рецензент выразил сомнение, не приписал ли Веселовский богомильству то, что принадлежало вообще представлениям средневекового мира.

Однако не подлежит сомнению тот факт, что для анализируемых в книге Веселовского апокрифов Древней Руси и южнославянской литературы автором действительно были установлены движущиеся силы — болгарская ересь и особенно манихеи, которые распространили их в славянском мире, а затем через посредство Византии перенесли в Западную Европу.

тика так часто заменяет ташкентскими отношениями к личности — объективно спокойные отношения к вопросам науки, что последнее стало нам в диковинку. Да и ни одна русская критика: на днях Де Губернатис,⁴² книгу которого я разобрал в «Вестнике Европы»,⁴³ прислал в редакцию ругательную статью с требованиями, чтобы она непременно напечатана была в русском журнале в подлинном, то есть французском варианте. Статья возвращена ее автору по принадлежности; я ее не видал, но знаю, что в ней мне делались упреки такого рода: будто я воспользовался для своей критики домашними⁴⁴ взглядами автора на мифологию, подслушанными в его семье, в разговорах запросто! Я с Де Губернатисом действительно давно знаком, но не подозревал в нем подобной двойственности, то есть что у него одна мифология дома, другая в печати.

Мою статью о нем я Вам не посылаю, потому что она едва ли покажется Вам интересной. В декабрьской книжке «Русского ревью» будет мой отчет о Причитаниях Барсова;⁴⁵ если захотите,

После критики Ф. И. Буслаева, показавшего, что богомильская теория не может претендовать на всеобщность и что она имеет определенные пределы распространения, А. Н. Веселовский, в целом оставаясь в рамках своей теории, ограничил значение болгарской и греческой ереси для движения *всех* апокрифических и полуапокрифических произведений с Востока на Запад.

⁴² А. де Губернатис (1840—1913) — с 1863 г. профессор санскрита во Флоренции, с 1892 г. — в Риме. Драматург и журналист, издатель журналов «La letteratura Civile» (1859), «Rivista Contemporanea» (1867—1868), «Rivista Europea» (1869) и др. Последователь мифологической школы, эпигон трудов Макса Мюллера, одного из создателей так называемой индоевропейской мифологии. При полной теоретической беспомощности толкования мифов, А. де Губернатис ввел в научный оборот восточнославянские материалы, им же частично собранные, — и в этом А. Н. Веселовский видит главную заслугу его основного труда «Животная мифология».

⁴³ В настоящем письме речь идет о статье А. Н. Веселовского «Сравнительная мифология и ее метод», опубликованной в «Вестнике Европы» (1873. № 10. С. 637—680). Статья написана по поводу книги А. де Губернатиса «Zoological Mythology by Angelo de Gubernatis». London, 1872. 2 vol. В статье «Сравнительная мифология» А. Н. Веселовский помимо разгромной критики толкования мифов, предложенного А. де Губернатисом, ставит вопрос о методе, о многосоставности сказок, об исторической взаимосвязи обряда, обрядовой песни и мифа, т. е. вопросы, не затронутые вовсе А. де Губернатисом.

⁴⁴ Подчеркнуто А. Н. Веселовским.

⁴⁵ Статья А. Н. Веселовского «Русские похоронные причитания» была опубликована на страницах петербургского журнала «Русское ревью», задуманного как информационный журнал для зарубежных читателей, не владевших русским языком (*Veselovskij A. Die russische Todtenklagen // Russische Revue. 1873. Bd. 12. S. 487—524 (Веселовский А. Н. Русские похо-*

я пришлю Вам отгиск. Вы видите, я пустился в петербуржско-немецкую литературу⁴⁶ — потому что писать надо, а печатать негде.

Не навязываясь на постоянную корреспонденцию, я попросил бы Вас ответить на это письмо, собственно по следующему пункту: в одной из ваших статей, помещенных в «Русском вестнике», рассказана в примечании болгарская легенда о Самовиле.⁴⁷ Она меня сильно заинтересовала и я бы не прочь узнать о ней что-нибудь более: если не всю целиком (что может быть неисполнимо), то по крайней мере в более подробном изложении. Обращаясь к Вам с подобной просьбой, я, разумеется,

ронные причитания // *Russische Revue*. 1873. Вып. XII. С. 487—524)). Ранее рецензия на ту же тему была опубликована: *Веселовский А. Н.* Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. М., 1872. Ч. 1 // *Беседа*. 1872. Май. Кн. 5. С. 97—102.

⁴⁶ Журнал «Русское Ревю» печатался то в Петербурге, то в Лейпциге. В Петербурге он какое-то время публиковался под названием «Северное обозрение» («*Nordische Revue*»). В журнале при участии А. Н. Веселовского был открыт раздел «Новые исследования из области русской фольклористики» («*Die neueren Forschungen auf dem Gebiet der russischen Volkspoesie*»), где Веселовский помимо названной поместил еще три статьи на русско-европейские темы: «Славянские сказания о крестном пути и виноградной лозе», «Немецкие исследования о русских былинах» (о монографии В. Вольнера) и «Итальянские мистерии в записках русского путешественника XV века».

⁴⁷ В «Русском вестнике» в статье «Сравнительное изучение народного быта и поэзии» (*Русский вестник*. 1872. № 10. С. 645—727) Ф. И. Буслаев приводит ряд международных сближений: «Как греческие гиганты громоздят горы, чтобы штурмовать небо, и ветры строят для греческих богов города и чертоги, так и для скандинавского Олимпа нанялся было строить город некоторый великан и в плату за труд требовал себе солнце, месяц и Фрею, но это условие, грозившее богам гибелью, расстроило все предприятие. Если все эти сближения имеют одну общую основу, то, без сомнения, сюда же еще с большими правами можно отнести тот облачный город, который ни на небе, ни на земле строит сербская Вила, тем более что, по болгарским вариантам, болгарская Самовила сооружает этот город или крепость из необычайных живых материалов, из удалых молодцов, из красных девиц и малых детей» (с. 686).

По-видимому, Буслаев указал источники заинтересовавшей Веселовского легенды о Самовиле. См., например: *Болгарские песни, собранные братьями Миладиновыми*. Загреб, 1861. Самовильское сооружение в песне на с. 3, ее вариант на с. 9.

А. Н. Веселовский до конца жизни не оставлял тему своей диссертации о Соломоне и Китоврасе. Всякий раз, возвращаясь к ней, он приводил все новые и новые литературные данные. В этой связи ему была интересна и болгарская легенда о Самовиле. В 1876 г. он опубликовал статью: «Сивилла-Самовила»: (Опыт по истории развития христианской легенды) // *ЖМНП*. 1876. № 2.

более рассчитываю на ваше благодушие, чем на Ваше время. Во всяком случае, если Вам случится надобность в чем-нибудь подобном, я всегда готов <по>услужить.

Мой поклон Вашей супруге.

Ваш А. Веселовский.

РГБ, ф. 42, кол. 11, ед. хр. 45, л. 1—2.

В письме указан адрес А. Н. Веселовского: Васильевский остров, по 9-й линии, в доме Карманова. А. Н. Веселовскому.

Москва. 29 октября 1888 года.

Простите меня, дорогой Александр Николаевич, возлюбленный и первый из всех моих учеников, что я до сих пор не ответил на Ваше сердечное и душевное приветствие в письме от 25 августа. Я храню его с самыми драгоценными документами моего юбилея.⁴⁸

Надеюсь, Вы милостиво оправдаете эту запоздалую благодарность, когда узнаете, что я сначала обязан был составить до сорока ответов, не терпящих отлагательств, на поздравления от разных ученых и учебных корпораций, начиная от Академии наук и от университетов и до коллективных приветствий нашей меньшей братии — преподавателей гимназий и других средних учебных заведений.

Все это очень утомило меня и постоянно нарушало спокойный досуг, чтобы отвести душу в дружеском письме, какое теперь пишу к Вам, мой милый и дорогой Александр Николаевич.

Только теперь, освободив и очистив свою голову от официальных фраз на разные лады и с разными вариациями, я могу в письме к Вам вполне предаться невыразимому чувству радости от счастья, что такой ученик, как вы, удостоиваете меня великого почета, оценивая мои заслуги в истории так, как выразились о них Вы в своем письме.

С такую же радостью глядел я на Вашу подпись в приветственной телеграмме от 2-го Отделения Академии наук. И в адресе от Петербургского университета мне чуялось прикосновение ласковой, дружеской руки близкого мне человека. Ваше милое письмо уверило меня, что чувство моей признательности к Вам вполне оправдалось.

Однако радость эта не была бы для меня ощущением полного счастья, если бы я ограничил Ваши похвалы, относимые ко мне, только своею личностью и если бы не возвел их в общий принцип нормального отношения между понятиями об учите-

⁴⁸ Речь идет о праздновании 70-летнего юбилея Ф. И. Буслаева. Поздравительное письмо А. Н. Веселовского не обнаружено.

ле и ученике, понимаемыми, разумеется, не в школьном смысле, а в высшем значении преемства идей и их успехов в историческом ходе науки.

Только такой учитель имеет полное право называться счастливым, который между своими учениками имеет такого ученика, как Вы. Столько же счастлив и такой ученик, который, как Вы, сознает свое высокое достоинство, умеет с признательностью относиться к тому, что мог в свое время сделать для него его учитель.

Разумеется, такой общий принцип можно было вывести из явлений не заурядного характера, а, так сказать, дорогой Александр Николаевич, так далеко опередивший меня в науке,⁴⁹ дали мне

⁴⁹ Ф. И. Буслаев и А. Н. Веселовский иногда занимались смежными темами. Примером тому может служить теория Буслаева о слоевом составе русского эпоса, воспринятая Веселовским и доведенная им до совершенства.

По теории Ф. И. Буслаева, мифологический процесс духовной жизни народа, в котором скрыты начала народной поэзии, был общим для всех индоевропейских народов. Однако эти мифологические истоки поэзии получили свое собственное развитие в каждом народе, «вследствие большей или меньшей зрелости духовных сил народа, а также вследствие разных обстоятельств, местных и исторических, которые благоприятствовали свободному развитию дохристианских народных верований или задерживали его» (*Буслаев Ф. И. О народной поэзии в древнерусской литературе*. Т. 2. С. 5).

Народная поэзия любого христианского народа должна была пройти, по теории Буслаева, через три основных периода: мифологический, смешанный и собственно христианский. Учение Ф. И. Буслаева о периодизации народной эпической поэзии оказалось своеобразной проверкой взглядов Гриммов, которая была осуществлена им на огромном фактическом материале. Ф. И. Буслаев на целой серии конкретных примеров (в основном взятых из эпоса), на материалах, часто впервые введенных им в научный оборот, показал, что каждый последующий период (т. е. смешанный или христианский) никогда не бывает изолирован от предыдущего; развиваясь, он продолжает сохранять как сами мифологические представления, так и формы этих представлений, заимствуя их из прошлого. Отсюда вполне объяснимыми становятся и те разнообразные наслоения, которые присутствуют в произведениях народной поэзии. Кроме того, наличие следов разновременных и разнохарактерных наслоений объяснялось Буслаевым и тем, что общее индоевропейское начало получило в каждом народе свое самостоятельное развитие (при большей или меньшей сохранности единой основы).

Распутать замысловатый клубок исторических наслоений, заключенных в произведениях народной поэзии, можно только с помощью сравнительно-исторического метода анализа. Ф. И. Буслаев впервые в русской науке применил этот метод к исследованию фольклора. «Сравнительно-историческое изучение языков индоевропейских убеждает нас с математической точностью, что все народы, на этих языках говорящие, то есть

своим приветствием повод высказаться о себе самом со всею откровенностью.

Вот почему я вполне убедился в искренности похвал, как бы они чрезмерны ни были, и принимаю их с радостною благодарностью.

Ваше недоумение о настоящем сроке моего юбилея объясняется тем, что я не хотел и боялся всякой публичности, и потому всеми силами старался отклониться от какой бы то ни было проекции так называемых юбилейных комитетов, которые, между нами сказать, в последнее время так громко себя скомпрометировали.

племена арийские — индусы и персы, племена фракийские — греки и римляне, племена кельтские, немецкие, литовские и славянские, первоначально имели общие основы народности в языке и мифологии в связи с важнейшими условиями народного быта. Ни один из языков этих народов не был праотцом для других, ни одна из мифологий этих народов не была источником для прочих. Все эти народы содержат многое от первобытной старины в языке и мифологии, вместе с тем представляют и позднейшее подновление того и другого. Это позднейшее подновление в каждом народе совершалось по мере обособления его, то есть по мере развития самостоятельной, отдельной национальности каждого» (Буслаев Ф. И. Древнейшие эпические предания славянских племен // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... Т. I. С. 355). Теоретические построения Ф. И. Буслаева нашли свое конкретное воплощение при историческом анализе героического эпоса. Именно здесь, стремясь «выделить разнородные элементы из этой хаотической смеси», Буслаев начинает с рассмотрения наиболее простых, первоначальных основ народного эпоса в богатырских песнях: «Сборники Киреевского и Рыбникова предлагают богатый материал во множестве вариантов одной и той же былины. Надо распутать противоречия вариантов и один вариант дополнить другими, отличая первоначальное от позднейшей примеси» (Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. СПб., 1887. С. 215).

Ф. И. Буслаев, таким образом, пришел к мысли о словесном составе русского эпоса. Говоря об истоках тех или иных конкретных былинных образов, он противопоставлял свои взгляды догадкам О. Миллера о мифологическом происхождении тех же образов. Буслаев вовсе не отрицает, что в основе былинного эпоса лежит мифология природы, он только стремится довести до читателя мысль об *осложненной* ее природе. Осложнения первоначальной основы эпических образов объясняются, во-первых, тем, «что она приурочилась к известным географическим урочищам, и, во-вторых, тем, что народная годовщина очень рано была переведена на язык и понятия церковного календаря. Это уже не просто мифология, а *двоевение*» (Буслаев Ф. И. Бытовые слои русского эпоса // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. С. 279).

Мысли, высказанные Буслаевым о словесном составе русского эпоса, об осложнениях, которым подверглась начальная основа эпоса (мифология природы), были поддержаны и развиты А. Н. Веселовским.

Веселовский утверждал, что процесс *осложнения* как мифов, так и произведений народной поэзии неизбежен вследствие их совместного

Впрочем, оказалось, что так вышло гораздо лучше, чем бывает обыкновенно. Мой юбилей от 18 августа тянется и по сию пору.

И вот как Вы приедете к нам в Москву, мы с Вами устроим еще новый эпизод того юбилея, главным и лучшим украшением этого праздника будут редкие, очень изящные и поистине драгоценные лицевые рукописи, которые будут для Вас настоящею находкою.

В ожидании этого события душою радуюсь при мысли дружески пожать Вашу руку и родственно Вас обнять.

Горячо любящий Вас

Федор Буслаев.

Москва.

29 октября 1888 г.

развития. В ходе исторического развития миф или сказка осложняются эпизодами, заимствованными из самых различных кругов представлений, — отсюда и доходят до нас в своем *сводном* виде, составные части которых бывают спаяны случайно, по внешнему поводу. Таким образом, по мнению А. Н. Веселовского, должен быть изменен и метод конкретного исследования, который требует не сопоставления и поисков общего праисточника, а как раз наоборот — выделения того, что было в результате развития привлечено в них случайно. Творческое развитие мыслей Буслаева было возведено А. Н. Веселовским в стройную систему и вылилось в его теорию о «пластической силе» языка и мифа, об «основных» и «второстепенных» типах или формах (*Веселовский А. Н. Сравнительная мифология и ее метод // Веселовский А. Н. Собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 16. С. 108, 115—118*). Открытие А. Н. Веселовским особой «пластической силы», которая способна творить самостоятельно, независимо от древнего мифологического процесса, очень важно, так как приводит к созданию *нового метода* исследования фольклорных и средневековых явлений. А. Н. Веселовский считал необходимым объяснять жизненное явление «прежде всего из его времени и из той самой среды, в которой оно проявляется, и лишь тогда раздвигать границы сравнения, когда ближайшие условия не дают исследователю удовлетворительного ответа» (*Веселовский А. Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса // Там же. С. 16*).